

Виноградова Наталя Михайлівна (Одеса) – кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії, соціології та менеджменту соціокультурної діяльності Університету Ушинського.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ БУДДИЙСКИХ И СИНТОИСТСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В ЯПОНСКОМ СОЦИУМЕ

Восхищение страной восходящего солнца вряд ли можно выразить прозаическим языком. Здесь уместны строки знаменитого японского поэта XVIII века Мотори Норианага

«Если спросят тебя
О сердце Ямато-страны
На островах Сикисима,
Ответь: запах сакуры
Под утренним солнцем».

В них выражены в символической форме и любованье природой, которое совмещает в себе суровость и мягкость, и глубокое чувство патриотизма, основанного на синтоистском почитании природы и конфуцианском культе предков. Образ сакуры в сознании японцев отражает и нежность благоуханного весеннего цветения дерева и стойкую приверженность японца к сложившимся традициям и предписаниям поведения, которой близки и понятны как последователям буддизма так и синтоизма. Образ сакуры воплощает как художественный так и религиозно-политический смысл. В момент цветения вишни (сакура) люди празднуют, усердно молятся за благополучие семей и вспоминают своих предков. Не обязательно только своих умерших родственников, но и тех, кто погиб во славу страны – Ямато. Сакура – это национальный символ державы, ее флаг в живом природном воплощении. Сакуры высажены перед синтоистскими храмами и повсюду на улицах городов. Это не случайно, ведь в древние времена они считались священными деревьями.

Цветение дерева сигнализировало крестьянам о начале новых сельскохозяйственных работ. Так как Япония являлась аграрной страной, цветение сакуры предшествовало колошению риса, столь важной культуры для страны. В синтоизме человек рассматривается как продукт природы-матери, которая дает разнообразные блага. Однако эти блага связаны с представлением о «должном» (добро) и «запрещенном» (зло). Эти этические понятия понимаются как угодные богам или негодные им. В данной религии понятия «должного» и «недолжного» понимаются как «чистое» и «нечистое».

В основу государственного устройства Японии, ее этических установлений легли китайские предписания и нормы поведения. Ритуалы государственной службы, иероглифы, музыка и театр – все это было заимствовано у китайцев. Однако одним из важных заимствований оказался буддизм. Это религиозное учение включало моральные заповеди, которые стали фундаментом отношений в японском социуме. Но, в отличие от Индии, буддийская община (сангха), как в Китае так и в Японии оказалась под жестким государственным контролем, который установила императрица Суйхо в 613 году. Формальной причиной этому послужило убийство монахом своего отца. Повелительница жестко потребовала, чтобы монахи придерживались буддийских заповедей и, в частности, заповеди «не убивай». Но, прежде всего, монахи были обязаны беспрекословно выполнять приказы правителя. Теологические дискуссии отодвигались на второй план, а буддийские заповеди приобретают первостепенное значение. Пришедшие на смену табуациям синтоизма, они считались одной из главных мер в процессе социализации. В сознании японцев соблюдение заповедей и повиновение государственным законам находились и по сей день находятся в неразрывной связи. Монах Кукай, живший в VIII веке, утверждал, что «несоблюдение заповедей и неповиновение законам замутняют Закон Будды и

подрывают государство».

Правительница VII века Суйко даже учредила должности по управлению сонкгохой и монахами. Однако во главе данного учреждения она поставила чиновника, который получил более высокое звание, чем буддийские руководители. В этом факте прослеживается конфуцианская тенденция подчинить религиозную жизнь в стране светским властям и создать духовно-государственную модель управления. В частности, правитель Цзюнин прямо утверждал, что «управлять государством невозможно, если не обрить голову и не облачиться в монашескую одежду». Это и делали императоры после недолгого своего правления.

«Культурная – природная» означало противостояние синтоистских божеств и правителя. Принятие новой религии правителем утвердило буддийские ценности, а «природное» отождествлялось с сакральными местными божествами, к числу которых относили ками. Ками переводится с древнеяпонского как божество. Древние японцы верили, что поклонение им обязательно так как все происходящее в мире не являлось следствием судьбы или законов, а происходило по воле ками. К ним причислялись духи не только природных явлений, животных, растений и гор, а также отдельных территорий и даже ремесел. Духи умерших людей занимали особое место в пантеоне ками. Они оказывали важную роль в формировании государственной элиты синтоистской Японии.

Японцы верили, что после смерти они станут богами-ками и не разделали свой мир на живое и неживое, они не искали спасения в загробном мире. Их спасение заключалось в гармоничном сосуществовании с ками. Так как четкого различия между ками и человеком не было, то в мифологии японцев фиксировались случаи даже заключения браков между людьми и ками. Поскольку браки имели место, то естественно появлялись дети. Дух предка воплощался в ребенка, которому нужно было оказывать уважение, почтение и даже предоставлять высокий статус в обществе.

Духи природы считались выше, «так как они были ками вне зависимости от своего происхождения». Обожествление предков стало стимулом формирования веры в ками. Предполагалось, что после смерти духи предков поселяются на высоких горных вершинах, куда человек не добратья, на небесах и мифических землях за морями. Так как души умерших предков могли наносить вред живущим, то был сформирован обряд их задабривания, то есть почитания и кормления. В последствие появляется культ удзигами, который включал в себя поклонение богу-покровителю, который становится родовым божеством и превращается в защитника и опекуна общины. Хозяйственная деятельность общины связанная с переходом на возделывание риса, трансформирует образ первопредка. Это приводит к постепенному его слиянию с божеством, олицетворяющим природу. Новое ками-божество становится более могущественным и покровительствует уже все данной территории. Постепенно местные ками были унифицированы. В V – VI веках утверждается государственность Японии и императорский двор тщательно контролирует данный процесс.

Японские аристократические кланы возводили свои родословные к «небесным божествам» синтоистского пантеона и присекали любые попытки худородных фамилий нарушить сложившийся порядок. Желавшим доказать свое высокое происхождение и титул (кабанэ) предлагалось пройти церемонию очищения. Правдивость их слов устанавливалась через погружение рук в кипящую воду; предполагалось, что лжец не пройдет данное испытание. Служилая знать японского социума создавалась из местной аристократии, чья мифическая генеология не фигурировала в общегосударственном своде и их божества-предки не входили в пантеон. Говоря о мифологической генеологии императора, необходимо подчеркнуть его родство с самим солнцем, символ которого получил название хи-но-маро, что

означает

«солнечный круг». Флаг Японии украшает красное солнце на белом фоне. Это не случайно, потому что красный цвет в синтоизме символизирует очистительную силу солнечных лучей с помощью которых изгоняются злые духи. Красный же цвет символизирует кровь, т. е. жизнь. Согласно синтоизму незапятнанная и успешная жизнь обеспечивается сочетанием белого и красного.

Император стал образом первопретка. С ним связан и культ риса, важнейшего и жизненно необходимого продукта страны. Как и многие века тому назад, нынешний император лично высаживает несколько стебельков риса в залог получения хорошего урожая этой культуры. Божество рисового поля занимало одно из главных мест в синтоистском пантеоне. Праздник нового урожая риса предусматривал ритуальную трапезу из зерен нового урожая и подношения первых снятых колосьев риса божеством рисового поля Инари. Ритуал восхождения императора на престол также предусматривает наличие специально собранного риса со священных полей. В период второй мировой войны для японских солдат специально расфасовывали рис в коробочки с красной маринованной сливой по центру. Эта кулинарная композиция символизировала государственный флаг. Ее цель состояла в укреплении национального духа военных. Существовала и детская рисовая композиция, которая изображала гору Фудзияму с флажком на вершине.

Возвращаясь к истории становления страны, отметим, что «сого» (ведомство по делам духовенства) подчинялось административному аппарату по делам монахов и иностранных учителей буддийского закона, которая, в свою очередь, находилась под юрисдикцией министерства по делам знати и государственных церемоний «дзибусе». Главной задачей «сого» было контролировать буддийские храмы и духовенство. Это был уникальный бюрократический аппарат, поскольку наряду с правительственными чиновниками, в нем служили монахи, рекомендованные сангхой. Создание этого бюрократического аппарата было не случайным. Необходимость заставить крестьян работать на монастырской земле, защитить его имущество, а также, в случае необходимости, подавить народные волнения, привели к формированию собственно монашеских вооруженных дружин. Умение монахов мастерски владеть оружием и видами боевых искусств вызвало обеспокоенность властей. Желая упредить возможные конфликты между государственными органами и буддийскими монастырями, обладавшими значительными земельными наделами, в Японии создается ведомство по делам духовенства «сого», в которое входят не только правительственные чиновники, но и буддийские монахи, рекомендованные сангхой.

Потребность в этической оценке поступков людей, культивирование преданности императору и стране, общая установка на дидактичность, сформировала характер японцев. Жертвенность, стойкость, перенесение моральных и физических страданий – это уникальные генетические черты японского народа. Готовность расстаться с жизнью, уверенность в том, что настоящий человек не принадлежит самому себе, укоренилось в сознании жителей страны. Строгая субординация стала маркером, напоминанием принадлежности к коллективу, преданности лидерам, преданность, которая стоит выше личных чувств и интересов. Традиционная конфуцианская мораль намертво вросла в японскую этическую модель поведения и принудила японцев постоянно помнить свое место в обществе и неукоснительно руководствоваться чувством долга в работе, семейном быту и в социуме.

Долг чести мотивирует поведение и результаты деятельности японцев, которые не позволяют себе быть некомпетентными в том, чем они занимаются. Не менее эффективным элементом социального контроля японцев является чувство стыда и зависимости (амае). Последнее буквально впитывается с молоком матери и красной нитью проходит не только через поведение отдельного человека, но и через социальные группы (семья, учебные заведения, фирмы и т. д.) Амае культивируют

почтительность по отношению ко всем, кто занимает более высокое статусное положение.

Чувство стыда – это не просто личное переживание, но и осознание вреда, который нанесен коллективу. Причем расплатой за нанесенный ущерб может быть даже суицид. На добровольный уход из жизни способен решиться и спортсмен, чья ошибка привела команду к поражению, и преподаватель, компетентность которого вызвала сомнения у коллег и студентов.

Как видим, религиозные и духовные ценности страны «Восходящего солнца» успешно раскрыли способности японцев действовать и принимать решения, которые прочно удерживают страну в числе лидеров экономического и культурного развития.

Список использованной литературы

1. Альбедиль М. Ф. Зеркало традиций. Санкт-Петербург, 2003.
2. Бандура А. Теория социального научения. – СПб: Евразия, 2000. – 320 с.
3. Мельникова Е. В. Культура и традиции народов мира (этнопсихологический аспект) / Е. В. Мельникова, - М.: Диалог культур, 2006. – 303 с.
4. Мещеряков А. Н. Герои, творцы и хранители японской старины. – М.: Наука, 1988.
5. Накорчевский А. А. Синто. Санкт-Петербург, 2000. 6. Нихон секи (анналы Японии). – Токио, 1975.
7. Нихон ренки, 1967. – Нихон ренки. Сер. Нихон когэн бунгаку тайкэй. Т. 70. Токио, 1967.
8. Религия в истории и культуре. Москва, 2000. Под редакцией М. Г. Писманика.
9. Синтоизм от А до Я. Москва. Восток-Запад, 2007.